Поэт поэт, певец, в мифопоэтической традиции персонифицированный образ сверхобычного видения, обожествлённой памяти коллектива.

П. знает всю вселенную в пространстве и во времени, умеет всё назвать своим словом (отсюда П. как установитель имён), создаёт мир в его поэтическом, текстовом воплощении, параллельный внетекстовому миру, созданному демиургом. Творчество, делание объединяет П. с жрецом.

Воспроизводя мир, П., как и жрец, расчленяет, разъединяет первоначальное единство вселенной, устанавливает природу разъятых частей через определение системы отождествлений и синтезирует новое единство, оба они борются с хаосом и укрепляют космическую организацию, её закон. И П., и жрец воспроизводят то, что некогда сделал демиург (культурный герой), с их помощью преодолеваются энтропические тенденции, элементы хаоса изгоняются и перерабатываются, мир космизируется вновь и вновь, обеспечивая процветание, богатство, продолжение в потомстве (при этом П. выступает одновременно как субъект и объект текста, как жертвующий и жертва).

Тождество П. и жреца влечёт за собой представление о магической силе П. [ср. П.-шаманов, библейского Давида, игрой на гуслях успокаивавшего Саула, когда того тревожил злой дух, легенды об Орфее, завораживающем животных, деревья и скалы, Вяйнямёйнене, П. шамане и чародее, слагающем заговорные руны, гусляре Садко, Франциске Ассизском, обращающемся с проповедью к животным и птицам, библейских П., служащих перед скинией, приносящих воинам победу (ср. 1 Парал. 6, 32, 2 Парал.

20, 21), ирландских филидов П. и ворожеев-предсказателей и т. д.]. П. создатель священных текстов. В Индии мудрец-П.

Вьяса почитался составителем собраний вед и пуран, творцом «Махабхараты», основателем веданты и т. д. Отдельные мандалы «Ригведы» или группы гимнов приписываются полулегендарным родам певцов-брахманов или отдельным певцам (Вишвамитре, Вамадеве, Васиштхе, Бхарадвадже, Грит-самаде, Готаме, Канве, Нодхасу и др.), автором «Рамаяны» считают Вальмики.

П. ведомо прошлое, настоящее и будущее. Ведает всё, что было, есть и будет, Калхант (Hom. Il.

I 70), Гесиод излагает «подробно, что было, что есть и что будет» (Theog. 32, 38), покровительницы поэзии музы дочери Зевса и богини памяти Мнемосины (в их числе известна Мнема, «память»), вёльва рассказывает о «прошлом всех сущих, о древних, что помню» («Прорицание вёльвы» 1), вещий Боян «помняшеть първыхъ временъ усобиц», ведийские П. «всевидящие» (РВ III 26, 8).

Как указание на сверхзрение часто возникает мотив слепоты П. (ср. слепоту Тиресия, Фамирида, фракийского певца Демодока, самого Гомера); функция прорицания реализуется также в мотиве загадывания и отгадывания загадок (ср. Эдипа). Сверхвидение П. есть мудрость.

В Греции со времён Пиндара складывается представление о поэзии как о мудрости, мёд поэзии скандинавской мифологии даёт мудрость и поэтическое вдохновение, Один бог мудрости и покровитель поэтов, Соломон мудрец и П., тюркский Коркут П.-шаман, провидец и мудрый советник государей, кельтский Огма изобретатель письменности, пророк и П., в китайской мифопоэтической традиции П. сверхчеловек, космический пророк, охватывающий словом небо и землю, находящийся в трансе вдохновения (ср. «Вэнь фу» Лу Цзи), и одновременно учёный-эрудит, знающий язык предыдущих тысячелетий, и т. д. Как хранитель обожествлённой памяти, традиций коллектива П. несёт в себе бессмертие, жизнь.

В то же время память о прошлом связывает его с нижним миром (ср. вариант, в котором музы дочери Урана и Геи; «сатурнический стих» при обозначении царства смерти как Sāturnia regna и т. д.). П. определяет прикосновенность к иррациональному (ср. неистовство, которое посылают П. музы, Plat.

Phaedr. 244 a, 245 a; шаманский экстаз Одина и т. д.), к тому царству, к смерти. П. нисходит в царство смерти, независимо от того, идёт ли речь о реальном пребывании там, оформленном в особый мотив (Орфей, Данте и Вергилий и др.), или о нисхождении духа.

П. посредник не только между прошлым и настоящим (темпорально), но и между тем царством и этим (локально). В этом смысле он подобен шаману (ср. образ П.-шамана) и, как и последний, несёт на себе печать иного царства.

Показательно, что ирландское обозначение П. fili восходит к индоевропейскому корню *el-, обозначающему одновременно смерть, царство мёртвых, богатство, власть. К тому же корню восходит славянский Велес, внук которого П. Боян.

П. преобразует божественное в человеческое и возводит человеческое на уровень божественного, в акте поэтического творчества средостением, соединяющим эти сферы, является язык, речь, слово П. [ср. мифопоэтическую формулу мысль (принадлежащая миру богов) слово дело]. Так, в индийской мифологии П. отец слов (РВ III 26, 9), искатель истинного пути (III 55, 2; 19, 16), П. помогают молитвам, желаниям, жертвоприношениям людей достичь богов и воспринимают ответ богов; боги же возбуждают поэтическое творчество, помогают певцам, делают их проницательным, передают им жертву и т. д.; покровители П. Брихаспати, ангирасы, Сарасвати, как П. почитается Кришна; поэтическая речь, слово персонифицируется в образе Вач.

Медиативная функция П. может реализоваться в мотиве его божественного призвания и чудесного происхождения песенного дара: Демодок «дар песней приял от богов» (Hom. Od. VIII 47), Вьяса получил певческий дар от Брахмы (Рам.

I 2, 30 34), ср. сюжеты о призвании шамана-П. (см. в статье Шаманская мифология), библейскую легенду о призвании пророка (Ис. 6, 2 9), англо-саксонскую легенду о первом П. Кэдмоне у Беды Достопочтенного, среднеазиатские представления о том, что сказителей-манасчи призывает к пению сам Манас, и т. д.

Источник божественного поэтического дара нередко осмысливается как пища (питьё): ср. мёд поэзии, индийский сома, одаряющий певцов мастерством, вода Кастальского ключа и т. д., см. также в статье Опьяняющий напиток.В творчестве П. следует определённой технологии (причём «поэтическое» возникает только в некоем пространстве, определяемом такими крайними состояниями, как созидание и разрушение, ср. анаграмматическую поэзию), поэтому слово (стих, текст и т. д.) делается, вытёсывается, выковывается, ткётся, прядётся, сплетается и т. д. Соответственно и П. выступает как делатель, кузнец, ткач и т. п. (ср. в «Ригведе» П. мастера, IV 2, 15, VI 17, 15; плотники, III 38, 1).Двуприродности П. как посредника

соответствует наличие особого языка (или языков) П., ср. так называемый индоевропейский поэтический язык, «язык богов» греческой, иранской («ахуровский» и «дэвовский» словари), скандинавской, хеттской и др. традиций, пять разновидностей языка в средневековом ирландском трактате «Руководство учёных» и др.В рамках так называемого «основного» индоевропейского мифа о борьбе громовержца со змеем П. (рассматриваемый как трансформация демиурга) может быть сопоставлен с младшим сыном громовержца, наказанным отцом и изгнанным в подземное царство.Отзвуки темы наказания в связи с образом П. постоянны в греческой мифологии: Аполлон наказывает Марсия, Лина, Мидаса, музы наказывают Фамирида.

Вариантом этого мотива можно считать представление об отмеченности П. некой ущербностью: ср. мифологизированные рассказы об индийском П. Калидасе, изобилующие сюжетами о его неполноценности (он рубит сук дерева, на котором сидит, глуп, не говорит на санскрите и т. п.).В художественной литературе и изобразительном искусстве нашли отражение мифологемы о вдохновенном П., поэте ясновидце и прорицателе, П. пророке, возлюбленном, изгнаннике и страдальце, о триумфе П. и т. д., в «Божественной комедии» Данте П. символизирует человеческую мудрость. Особенно характерен мотив преждевременной смерти П., отсылающий к сюжету прижизненного схождения П. в царство смерти.

В античной традиции складывается образ П.-пчелы и поэзии-мёда (у Платона, Горация и т. д.), позднее с пчелой сравнивают П. Даниил Заточник, П. Ронсар; ср. также у О. Мандельштама: «чтобы, как пчёлы, лирники слепые нам подарили ионийский мёд». Символы поэзии и триумфа П. венок из лавра или плюща, арфа или лира, перо, свиток.

В итальянской живописи поэзия персонифицируется обычно в образе женщины в небесно-голубой одежде, украшенной звёздами; голова её крылата, женщина держит лавровый венок и арфу, перед нею лебедь.

Литература :
Античные теории языка и стиля, М.Л., 1936;
Фрейденберг О. М., Поэтика сюжета и жанра, Л., 1936;
Стеблин-Каменский М. И., Историческая поэтика, Л., 1978;
Валери П., Об искусстве, перевод с франц., М., 1976;
Якобсон Р. О., Поэзия грамматики и грамматика поэзии, в сборнике: Poetics. Poetyka.

Poètyka, Warsz., 1962;
Мелетинский Е. М., Поэтика мифа, М., 1976;

Иванов В. В., Очерки по истории семиотики в СССР, М., 1976;
Гринцер П. А., Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, М., 1974;
Топоров В. Н., Μοῦσαι «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада), в сборнике: Славянское и балканское языкознание, М., 1977, в. 3, с. 28–86;
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки, в сборнике: Культура и литература древней и средневековой Индии, М., 1979;
Винников И. Н., Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии, в сборнике: С. Ф. Ольденбургу.

К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932, Л., 1934;
Жирмунский В. М., Среднеазиатские народные сказители, в его книге: Народный героический эпос, М.–Л., 1962;
Güntert H., Von der Spra-che der Götter und Geister, Halle, 1921;
Parry M., Studies in the epic technique of oral verse-making, [pt] 1 (Homer and Homeric style) – 2 (The homeric language as the language of an oral poetry), «Harvard studies in classical philology», 1930–1932, v. 41, 43;
Wackernagel J., Indogermanische Dichtersprache, «Philologus», 1942, Bd 95;
Lord A. B., The singer of tales, Camb. (Mass.), 1960;
Kirk G. S., The songs of Homer, Camb., 1962;
Vernant J.-P., Mythe et pensée chez les grecs, P., 1969;
Duchemin J., Pindare poète et prophète, P., 1955;
Schmitt R., Indogermanische Dichtersprache, Darmstadt, 1968;
Starobinski J., Les mots sous les mots.

Les anagrammes de Ferdinand de Saussure, P., [1971];
Watkins C., Language of gods and language of men. Remarks on some Indo-European metalinguistic traditions, в книге: Myth and law among the Indo-Europeans, Berk. – Los Angeles – L., 1970, p. 1–17;
Ward D., On the poets and poetry of the Indo-Europeans, «Journal of the Indo-European Studies», 1973, № 1;
Dodds E. R., The Greeks and the Irrational, Boston, [1957];
Linforth I. M., Telestic madness in Plato Phaedrus 244 DE, Berk. – Los Angeles, 1946;
Schlerath B., Gedanke, Wort und Werk im Veda und im Awesta, в сборнике: Antiquitates Indogermanicae, Innsbruck, 1974;
Meid W., Dichter und Dichtkunst im alten Irland, Innsbruck, 1971;
Gonda J., The vision of the Vedic poets, The Hague, [1963];
Jobes G., Dictionary of mythology, folklore and symbols, pt 2, N. Y., 1962, p. 1281, 1457, 1475;
Otto W. F., Der Dichter und die alten Götter, Fr. / M., 1942;
Kerenyi K., Mann Th., Romandichtung und mythologie.

Bin Briefwechsel, 2 Aufl., Z., [1953];
Heidegger M., Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung, Fr. / M., 1971;
его же, Holzwege, Fr. / M., 1963;
Rehm W., Orpheus. Der Dichter und die Toten, Düsseldorf, 1950;
Jung C. G., Seelenprobleme der Gegenwart, 5 Aufl., Z., 1950;
его же, Gestaltungen des Unbewussten, Z., 1950.